

В последнее время появилось много описаний фонетики современных славянских языков/диалектов, которые свидетельствуют о существенных расхождениях в их звуковых системах. В большей своей части эти различия возникли уже после падения редуцированных, вызвавшего появление новых сочетаний звуков, которые в дальнейшем подверглись индивидуальному для каждого диалекта модификациям. Понять и объяснить глубинный механизм различных в разных славянских языках/диалектах преобразований на уровне фонетики, как оказалось, можно только путем тщательного изучения синтагматического поведения гласных и согласных в рамках фонетического слова и выявления правил звуковой синтагматики – причем в максимальном количестве славянских диалектов. В новой монографии Л.Э. Калнынь в п е р в ы е в славистике исследуется на материале современных славянских диалектов синтагматика немногочисленного и слабо изученного класса сонантов (или сонорных), занимающих промежуточное положение на шкале различий между гласными и шумными согласными. Можно предположить, что именно особенность сонантов как “промежуточных” звуков и обусловила многообразные и, возможно, наи-

более (по сравнению с другими классами согласных) различающиеся по диалектам характеристики.

В то же время синтагматика сонантов не стала в лингвистике предметом специального и пристального внимания. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что сонорные согласные после падения редуцированных составляли, хотя и ограниченный по составу, но специфический и сложный по своей организации класс, и это создавало большие трудности в исследовании их синтагматики в славянских диалектах в сопоставительном аспекте. Труд Л.Э. Калнынь, посвященный анализу именно синтагматики смычно-проходных согласных – назальных, латерального и вибранта, а также спирантов – средненебного и губного (т. е. их позиционным изменениям и влиянию на окружающие сегменты в современных славянских диалектах), и ставит перед собой цель восполнить этот пробел.

Монография “Синтагматика сонантов в славянских диалектах” состоит из восьми разделов, в которых анализируются конкретные сонанты, формулируются выводы и, наконец, приводится внушительный список литературы, имеющий в той или иной степени отношение к исследуемому в работе вопросам. Разделы, по-

священные сонантам, построены единообразно: после описания артикуляции соответствующих согласных, дается исчерпывающий анализ синтагматического поведения каждого конкретного сонанта в славянских диалектах и приводится убедительная интерпретация буквально всех зафиксированных и известных автору изменений в группах с сонантами, которые затрагивают как сонанты, так и соседние с ними шумные согласные и гласные; при этом очень четко разграничивается направление всех изменений (регрессивные, прогрессивные), определяется их содержание (ассимиляция или диссимилиация) и указываются те импульсы, которые вызывают данные изменения (это могут быть либо сами сонанты, либо соседние согласные, гласные и пауза; это может быть и характер синтагматического воздействия, т.е. контактные и дистантные связи между согласными в рамках фонетического слова). Описание каждого сонанта завершается очень полезным и информативным “списком интерпретируемых в разделе фонетических явлений”, который представляет собой систематизацию и классификацию всех известных на сегодняшний день в современных славянских диалектах изменений, связанных с конкретными сонантами. Такая структура работы дает возможность сопоставить имеющийся материал и увидеть все сходства и различия в диалектном синтагматическом поведении каждого сонанта.

В кратком, но содержательном “Введении” (с. 3–9) Л.Э. Калнынь отмечает, что сонанты (сонорные) объединяются в особый класс на основе, во-первых, общих свойств артикуляции (в их образовании голос играет главную роль, а шум обуславливает в минимальной степени) и, во-вторых, их во многом одинакового синтагматического поведения (что очень важно, так как в ряде случаев именно анализ синтагматики является решающим фактором включения некоторых шумных согласных в класс сонорных, ср., например, судьбу согласных *v*, *w* в отдельных славянских диалектах).

Характерно, что история изучения сонантов имеет свои особенности. Так, из опубликованных работ нам достаточно хорошо известно, что в праславянский период сонорные играли организующую роль в построении звуковой последовательности и сегментирования ее на слоги. Что же касается современных славянских языков/диалектов, то изучение как самих сонантов в качестве звуковых единиц, так и правил их включения в звуковую контекст, носит подчас случайный характер, что не дает целостной картины этого фрагмента славянской фонетики. Между тем именно после падения редуцированных существенно изменилось про-

странство синтагматики сонантов. Возникли принципиально новые сочетания с сонорными согласными (сонант + шумный согласный, шумный + сонант, два сонанта, сочетания сонантов с гласными и паузой); трансформировалась и допустимая дуга сонорности в позиции начала слова и перед паузой. Славянская фонетика отреагировала на это разнообразными изменениями во вновь возникших сегментах. Компоненты новых сочетаний подверглись разнонаправленным изменениям, что явилось причиной появления в отдельных диалектах многообразных и дробных реализаций изначально одинаковых сочетаний с сонантами (ср., например, различную судьбу по диалектам таких сочетаний, как *mn*, *dn*, *bm*, *ln*, *dl*, *sr*, *jk*, *Cj*, *bv*, *vl* и мн. др.). В результате синтагматика сонантов стала показателем уровня использования в фонетике языка/диалекта признаков вокальности/консонантности, имеющих типологическое значение.

Наибольшее разнообразие в модификациях отмечено в сочетаниях с назальными сонантами (с. 10–50). На основе изучения большого материала, извлеченного из диалектных карточек, описаний различных славянских диалектов и собственных диалектных записей (автор учитывает даже единичные примеры), Л.Э. Калнынь приходит к выводу о синтагматической активности согласных *n*, *n'*, *m*, *m'* во многих славянских диалектах. Именно данные сонанты вызывают различные изменения других согласных. Например, по признаку ‘место образования’ сочетания взрывных звонких и глухих с назальными (*tn*, *dn*, *pm*, *bm*) артикулируются как один назальный согласный – зубной и губной “щелчковые” (термин М.В. Панова); при этом различия по говорам могут быть обусловлены: глухостью/звонкостью согласных (при наличии изменений типа *\*dn > nn*, *\*bm > mm* сочетания типа *\*tn*, *\*pm* во многих диалектах сохраняются без изменения, так как большая напряженность глухих препятствует ассимиляционному воздействию носовых сонантов), а также локализацией в зубном или губном ряду (так, изменения типа *\*dn > nn* – по сравнению с *\*bm > mm* – распространены в славянских диалектах значительно шире, характеризуются большей активностью и являются более устойчивыми при синтагматическом воздействии соседних согласных). Проанализировав очень тщательно такие известные в фонетике синтагматические изменения, как прогрессивная и регрессивная ассимиляция и диссимилиация, Л.Э. Калнынь останавливается еще на одном, особом, виде синтагматических изменений, который состоит в позиционном повышении уровня голосности/сонорности назального сонанта (или – понижения уровня его

консонантности), что достигается путем устранения смычки в артикуляции сонанта и превращении его в проходной согласный, т. е.  $n > \eta$ ,  $m > \mu$  (ср. болг. *m'uzúx*, *kúf'ėti*, *цифáрт*). В итоге анализ синтагматики данных сонорных согласных позволил автору принять неординарное парадигматическое решение и внести, тем самым, определенные коррективы в традиционные представления о существовании в славянских диалектах назальной корреляции, образуемой сонантами  $n$ ,  $n'$ ,  $m$ ,  $m'$  с взрывными зубными и губными (ср., например, точки зрения Н.С. Трубецкого и Р.И. Аванесова). Сопоставляя в разных диалектах синтагматику  $n$ ,  $n'$  и  $m$ ,  $m'$  и характер оппозиций, в которые они вступают, Л.Э. Калнынь сделала убедительный вывод о том, что фонемы, представленные губными назальными  $m$ ,  $m'$ , не имеют ДП назальности; этот ДП (наряду с зубным рядом и смычно-проходным способом образования) присущ только фонемам  $/n/$  и  $/n'/$ , и реализуется он в оппозиции с фонемой  $/l/$  (ее ДП – зубной ряд, смычно-проходной способ образования и неназальность); это свидетельствует о фонематической асимметричности зубного и губного сонантов.

В разделе о латеральном сонанте (с. 52–71) Л.Э. Калнынь напоминает, что славянские диалекты различают два вида латерального переднеязычного зубного согласного: двуфокусный веларизованный согласный  $\text{ʃ}$  и однофокусный невеларизованный согласный  $l$ . В лингвистической литературе отсутствует единое мнение об их хронологическом соотношении. На основании анализа синтагматики  $\text{ʃ}$  и  $l$  в современных славянских диалектах Л.Э. Калнынь приходит к выводу, что, скорее всего, исконным следует считать именно невеларизованный латеральный сонант. Кстати, список современных фонетических явлений, релевантных для интерпретации синтагматики латерального сонанта (он приведен в конце раздела), сравнительно небольшой. Но, в отличие от назальных согласных, латеральный сонант претерпевает значительные модификации не только в консонантных группах, но и в позиции перед гласными и паузой. В сочетаниях с согласными он подвергается ассимиляционным и диссимиляционным воздействиям, а также легко преобразуется в гласный (ср. в *l-pts* – в словен. *né:su*, *'daru*; в серб. *imáo*; в хорв. *débeo*). Замена сонанта гласным в сочетании *Cl* имеет целью устранить перевернутую дугу сонорности в слог: создается новый слог, характеризующийся восходящей дугой сонорности – *V/CV#*. Данная синтагматическая особенность части южнославянских диалектов типологически относится их к “радикально вокализемному” типу (А. Исаченко). В работе убедительно по-

казано, что чаще всего именно латеральный сонант является объектом синтагматического воздействия со стороны окружающих сегментов (изменяясь, например, в ряде позиций в билабиальный согласный – ср. макед. *'voyna*, *'oreц*, укр. *во́йна*, *бі́й*), однако может и сам оказывать воздействие на соседние взрывные согласные (ср. укр. гуц. *m'iklá*, *klúмок* – в результате регрессивной ассимиляции по месту образования: *\*tl > kl*). Интересным явлением следует считать и замену латеральным первого из двух шумных согласных – как следствие регрессивной диссимиляции по уровню сонорности (ср. *\*tp > lp*, *\*dg > lg* и др. – в хорв. *'polpis*, *'olgovor*), а также мену латерального и выбранта в рамках фонетического слова (ср. болг. *колидо́р*, *ри́лт*). Нередки случаи, когда данный согласный оказывает воздействие на артикуляцию гласных (ср. польск. *p'ut*).

Передненебный сонант – *вибрант*  $r$ ,  $r'$  (с. 72–85) так же, как и другие сонанты, подвержен в славянских диалектах синтагматическим обусловленным изменениям, которые связаны прежде всего с разной степенью десоноризации (оглушения)  $r$  и  $r'$ ; кроме того, на месте палатального/палатализованного вибранта во многих диалектах употребляется твердый вибрант (т.е.  $r' > r$ ,  $r' > rj$ ). Чрезвычайно интересен материал, впервые целостно рассмотренный в качестве отдельного фрагмента славянской фонетической синтагматики, который свидетельствует об особых взаимоотношениях вибранта и латерального сонанта в пространстве слова в некоторых славянских диалектах: сочетания двух вибрантов или вибранта и латерального, разделенных другими звуками ( $r - r$ ,  $r - l$ ,  $l - r$ ), могут подвергаться неконтактной диссимиляции как прогрессивной, так и регрессивной (ср., например, польск. *lubryka*, хорв. *slebrò*, болг. *колидо́р*, русск. прост. *кулье́р*; чеш. *brblati* < *\*blblati*; русск. *про́лубь*, болг. *гардило́н*; болг. *парца́ре* < *\*парца́ли*; макед. *ʃáro* < *\*ralo*; болг. *ри́лт* < *\*лира*). В ряде случаев такие изменения имеют эффект метатезы (ср. русск. разг. *леригия*, *фе́ришал*). Взаимная мена вибранта и латерального сонанта может происходить и перед гласным, и перед паузой (ср. сев.-русс. *косты́р'*, *ва́л'ежки*; укр. *játer* < *\*дятел*, болг. *же́ръди* < *\*желъди*). Взаимное перемещение сонантов  $r$  и  $l$  в рамках словоформы является следствием того, что они воспринимаются говорящими как компоненты некоего целостного образования (отметим и определенную аналогию с назальными сонантами, которые также могут взаимозаменяться, но только в условиях непосредственного контакта с активным компонентом сочетания – ср. русск. *конб'и́нат*, блр. *канпо́т*, болг. *плáнвам*, *кумс'е́рв'и*, *пéсми*).

Специальное внимание в этом разделе уделяется также вставке зубных *t, d* в исходные сочетания *\*sr, \*zr, \*žr*, что можно объяснить наличием напряженной артикуляции фрикативных (ср. русск. *сруб*, укр. гуц. *уздр'іу*, словац. *streda, stribro/stribro*, макед. *здрав*, болг. *ждрѣбна*). Однако в некоторых южнославянских диалектах зафиксировано как бы противоположное явление, а именно – утрата *t, d* из исконных сочетаний *\*str, \*zdr* (ср. макед. *сѣсра*, *зраф*, болг. *срах*, *нѣсру*, словен. *zrā-wa*), обусловленная ненапряженностью вибранта и фрикативного согласного в указанных говорах. Следует отметить, что исходный материал, иллюстрирующий многие явления, связанные с синтагматикой вибранта, носит, к сожалению, случайный характер.

Исследование синтагматики средненебного звонкого фрикативного согласного – спира н т а *j* (с. 101–134) позволило Л.Э. Калнынь сделать важный вывод о его слабой синтагматической активности. При характеристике артикуляционных особенностей этого согласного существенным является факт различного в разных диалектах уровня его напряженности, который является неустойчивой чертой; он, в зависимости от позиции и темпа речи, может быть разным не только в разных говорах, но и в одном и том же идиоме, формируя внутри- и междиалектную вариативность. Данное обстоятельство позволяет давать разные фонематические интерпретации спира н т а *j*; автор в своем исследовании исходит из его консонантного статуса. До последнего времени описания явлений, связанных с употреблением этого согласного, носили достаточно случайный характер. А между тем указанные явления, как справедливо отмечает Л.Э. Калнынь, заслуживают пристального внимания и именно в масштабе всего славянского континуума в сопоставительном плане, что позволило бы определить те структурные особенности диалектов, которые обуславливают изменения, связанные с *j*, и объясняют причины варьирования. Вариативным в славянских диалектах является, например, повышение или понижение насыщенности звучащей речи спира н т о м *j*. В связи с тем, что способы понижения частоты данного спира н т а в речи, в принципе, немногочисленны и однообразны (ср. укр. *жит'м'а*, *колбс'с'а/колбс'а* вместо сочетания *Cj*), а способы повышения частоты его употребления более разнообразны (это, прежде всего, появление “немотивированного” или вставного *j*), Л.Э. Калнынь подробно останавливается на анализе явлений, связанных с повышением частоты встречаемости *j* в звучащей речи, что зависит, в основном, от наличия сегментного контекста высокого тона. Это может быть за-

мена спира н т о м: мягких согласных (ср. макед. *пѣлѣа* – на месте суффикса *-ин'а*, болг. *йѣла* вм. *л'ѣл'а*, укр. *йустро* вм. *л'устро*; русск. *импой* вм. *под'*, макед. *ваѣат* вм. *вад'ат/ваг'ат* и др.); мягкого и твердого фарингального/задне-небного спира н т а (ср. русск. *н'ираји*, укр. *обор'іj*, *сн'іj*, а в случае ослабления шумового составляющего и голоса – укр. *р'і*, *сн'і*, в.-луж. *рѣи*); губного спира н т а *w', v'* (в передней артикуляционной зоне), что объясняется несовместимостью губной и среднеязычной артикуляции (ср., например, русск. *любóл'j*, в *Росмóл'jи*, хорв. *sjédok*, с.-луж. *jazany*). Славянским диалектам известно также явление разложения (декомпозиции) палатальных/палатализованных согласных на последовательность, содержащую спира н т *j* (например, болг. *койн*, макед. *kojn*, *imájne*, *kújk'a*, польск. *k'ešejn*; макед. *банја*, словен. *iljada*, хорв. *morje*). Кстати, развитие *j* перед согласным обусловлено антиципацией согласного высокого тона и приоритетом палатальной (йотовой) артикуляции, а выделение спира н т а *после* мягкого согласного свидетельствует о понижении значения артикуляции высокого тона, что часто приводит к отвердению согласного. Участвует спира н т *j* и в девокализации некоторых гласных (ср., например, болг. *хаз'ајн*, макед. *гојдо*, укр. *їйду*). Известны также случаи появления “вторичного” *j* в сочетании *V-C* (ср. хорв. *šejst*, серб. *pújsti je*, болг. *зимѣйс*). Важно, что случаи “немотивированного” появления *j* не нарушают правил консонантной синтагматики в соответствующих славянских диалектах, так как они (эти случаи) лишь расширяют состав уже имеющих сочетаний *j* с гласными, согласными и паузой. Однако наиболее яркая насыщенность звуковых последовательностей йотом в южнославянских диалектах (она отражает особенности артикуляционной базы указанных говоров) значима, так как дает еще одно основание для отнесения их фонетических систем к системам вокалического типа.

В разделе о губном сонанте – спира н т е *v/w/џ* (с. 136–168) Л.Э. Калнынь особо подчеркивает, что по своей синтагматике он занимает промежуточное место между гласным и шумным согласным и поэтому может изменяться как в том, так и в другом направлениях (в этом плане губной сонант проявляет типологическое сходство со спира н т о м *j*). Взаимная мена спира н т о в *v/w/џ* в зависимости от позиции и правил синтагматики того или иного диалекта обуславливает варьирование уровня голосности/сонорности звуковой последовательности: *v > w, џ, и* означает повышение голосности, а *и > џ, w, v* – ее снижение. Это приводит к появлению дублетов (вариантов) слов/морфем, которые могут различаться

между собой по количеству слогов. В артикуляционном отношении для данных спирантов релевантными являются признаки билабиальности (*w*, *ɥ*) и лабиодентальности (*v*). Для праславянского периода исконным традиционно считается \**w*. В истории конкретных славянских языков первичность билабиального спиранта принята для польск., словац., с.-луж., словен., хорв., серб., макед. диалектов; для прарусского языка допускается сосуществование \**v* и \**ɥ*. В большинстве современных славянских диалектов губной спирант характеризуется синтагматической пассивностью. Близость его к шумным согласным проявляется в том, что он может в соседстве с глухими согласными, сонантами и гласными терять голос, а также заменяться другими шумными согласными (ср., например, русск. *тфо́jó*, болг. *сфин'á*, макед. *sfat*, польск. *bitfa*; болг. *фли́за*, *фнóси*, макед. *фнук*, серб. *frá:bac*; словен. *bito* < *vinò*, *zgûn* < *zvon*, чеш. *brabec* < *vrabec*, польск. *gdovec/vdovec*, словац. *gdova*).

В монографии подробно интерпретируется особая ситуация в некоторых диалектах (например, в западноукраинском надысанском говоре), когда происходит замена губного спиранта задненебным спирантом (ср. взаимозаменяемость между согласными *v*, *f* – *h*, *x*, их свободное варьирование: *у́чений* – *вчений* – *фчений* – *хчений*). Л.Э. Калнынь отмечает, что это синтагматическое явление имеет последствия на парадигматическом уровне, и делает следующий вывод: в данном украинском диалекте имеется специальная фонема /*h*>, которая имеет ДП фриктивности и веларности, но не имеет ДП локального ряда; она реализуется губным и заднеязычным согласными (ср. *х пй́цу*, *х сiл'í*, *ф сут*, *вмер*). Именно из-за функциональной незначительности признака “локальный ряд” он и может варьироваться в пределах, допустимых в рамках низкой тональности. Данная фонема всегда употребляется в начале словоформы и участвует в оформлении дизеремы, сигнализирующей межсловную границу. Замена инициального губного спиранта задненебным спирантом отмечена также в словац., чеш., словен. и хорв. диалектах. В данном разделе подробно рассматривается и другое интересное явление: параллельное употребление звуков *у*, *ý*, *ø* в некоторых украинских говорах (ср., например, укр. *по́ўме́ра́ло*, *навчи́ти*, *научи́ти*; у *Ада́ма*, *ý Оле́ни*, *в осе́ни*), реализующих также особую фонему, не тождественную ни /*у*/, ни /*в*/: для этой особой фонемы /*ý*/ признаки гласности/негласности функционально незначимы – релевантным для нее является ДП губного ряда. В украинской фонетике данную фонему представляют взаимозаменяющиеся безударный гласный *у* и спиранты *ý*, *w*, *ø*;

она используется как дизерема, т.е. межсловный, реже – межморфемный сигнал.

Обобщение результатов анализа включения сонантов в фонетический контекст даны в 5-м разделе (о правилах синтагматики *n*, *m*, *l*, *r*) и в общем Заключение.

Здесь обращается специальное внимание на те явления славянской фонетической синтагматики, которые направлены на сохранение уровня сонорности сонантов. К ним относятся, например, вставные гласные: в некоторых русских говорах они поддерживают консонантный статус сонанта (ср. *с'в'òк\_ла*, *у́т\_г\_р\_ь\_м*, *ку́\_ф\_ь\_н'а*, *т\_р'í б\_р\_я\_т\_а*, *р\_ь\_в\_а\_н'й\_ò*, *ка\_л\_ь\_н\_í\_к*), а в словенском говоре – акцентируют голосность сонанта с целью разделения скопления согласных слоговой границей (ср. *kàrpí:wa*, *bərsà:uka*).

Нарушение традиционного контура восходящей сонорности в начале слова (сочетание SonC) компенсируется развитием инициального или вставного гласного (ср. русск. *ц\_р\_ж\_и́*, *а\_л\_г\_у́\_н*, *и\_м\_н\_é*; макед. *lága*, *ма́\_г\_ла*; хорв. *xér\_đ\_a*, *ла\_г\_á\_т*).

Возникшая после падения редуцированных нисходящая дуга сонорности в конце слова (CSon) корректируется синлабизацией сонанта или вставным гласным (ср. болг. *мо́\_г\_ь\_л*, *се́\_д\_ь\_м*; макед. *се́\_д\_ом*; хорв. *dòb\_ər*, *vé\_ť\_ər*; чеш. *brat\_er*), что также направлено на сохранение уровня сонорности сонанта. Если же сонорность согласного не имеет приоритетного значения, то сонант оглушается или утрачивается (ср. примеры из русских говоров, представляющих фонетические системы консонантического типа: *l-pts* – *н'ос*, *осл'én*; *н'от* < *П\_е\_т\_р*, *п'е\_м\_а\_т'úс*).

В своей монографии Л.Э. Калнынь совершенно справедливо подчеркивает тот главный импульс в с е х синтагматических изменений (как ассимиляционных, так и диссимиляционных), который заключается в стремлении к произносительному удобству, поскольку фонетическое изменение в принципе не может стремиться к затруднению произношения. Но в связи с тем, что это удобство носителями разных диалектов ощущается по-разному, исходные одинаковые сочетания ведут себя также по-разному в разных славянских диалектах, создавая подчас очень сложные диалектные различия. Эти различия в сочетаниях с сонантами могут быть обусловлены и другими факторами, в частности, уровнем сохранности архаических отношений при образовании консонантных последовательностей, что связано с наличием контактных и дистактных взаимодействий между звуками в рамках фонетического слова. Контактная связь, т.е. прогрессивно направленное изменение, при котором первый звук влияет на артикуляцию второго, является онтологическим свойством

любой, связанной произнесенной звуковой последовательности, относится к архаическому слою и встречается в славянских диалектах достаточно редко. Дистактная же связь, лежащая в основе регрессивно направленных фонетических изменений, — это явление инновационного типа, возникшее, как правило, уже после падения редуцированных. Так, например, в работе сделан важный вывод о том, что в сочетаниях с назальными сонантами реже встречаются результаты изменений по контактному типу (т. е. с онтологической зависимостью второго согласного от первого — ср.  $dm > dn$ ,  $mn > ml$  и др.); такой архаический компонент славянской фонетики отмечен в южнославянских диалектах. Значительно чаще в славянских говорах находим изменения, вызванные дистактными связями и обусловленные антиципацией второго согласного при выборе первого; эти изменения могут способствовать либо устранению артикуляционного контраста (ср.  $bm > mm$ ,  $dn > nn$ ;  $nb > mb$ ,  $bn > vn$ ,  $vn > mn$ ), либо его увеличению — с одновременным облегчением шумопрохождения в линейной последовательности (ср.  $bm > gm$ ,  $tm > km$ ,  $dn > gn$ ,  $mn > xn$ ), что можно рассматривать как один из вариантов произносительного удобства.

Исследование Л.Э. Калнынь показало, что синтагматика сонантов в славянских диалектах не дает оснований объединять эти согласные в одну однородную группу. Разнообразие синтагматических характеристик сонантов обуславливает их разбиение на отдельные классы, среди которых преобладают одночленные. Этому не противоречит наличие некоторых общих тенденций, влияющих на судьбу сочетаний с сонорными согласными. Релевантными признаками при изменении звуковых последовательностей с сонантами можно считать, например, принцип антиципации и степень активности/пассивности самих сонантов. В работе показано, что наибольшее количество изменений в сочетаниях вызывают назальные согласные, значительно меньшую активность проявляют латеральный, вибрانت и губной сонанты, низкая синтагматическая активность отмечена у среднеязычного спиранта  $j$  (в большинстве славянских диалектов; исключение составляют южнославянские говоры, в которых существует тенденция насыщать звучащую речь спирантом  $j$  за счет употребления этимологически немотивированного спиранта и декомпозиции палатальных согласных). Л.Э. Калнынь высказывает убедительное мнение о том, что данное явление в говорах Южной Славии не относится к сфере синтагматики  $j$ , а отражает особенность артикуляционной базы диалектов, склонных к образованию среднеязычной фрикации. Важной характеристикой сонантов

является также и их подверженность прогрессивной ассимиляции по снижению голоса. Наименее склонны к этому назальные согласные, наиболее — вибрانت, который в результате оглушения может заменяться переднеязычным фриктивным согласным (ср., например, н.-луж. *tšuznik*, *tšuna*).

К достоинствам работы следует отнести огромный объем материала, исследуемого Л.Э. Калнынь. Ею проанализированы буквально все зафиксированные в существующих диалектных источниках сочетания с сонантами, вплоть до единичных (ср., например, укр. *прд́дик*, где  $ln > nn > dn$ , болг. *плáнна* < *плáмна*, *пéсми* < *песни*; русск. *ф ко́нноте* < *в комнате*; словен. *žótna*, где  $ln > mn$ ). Для самых различных и сложных сочетаний с сонантами (как широко распространенных и имеющих значение последовательно проведенного позиционного явления, так и редких и, казалось бы, необъяснимых) Л.Э. Калнынь умеет найти причину и раскрыть механизм появления именно данной модификации. Ее рассуждения всегда характеризуются строгой логикой и поэтому являются очень убедительными. Показателен в этом отношении анализ регрессивных диссимилиационных изменений в консонантных сочетаниях с носовым сонантом, в основе которых лежат дистактные связи (это  $bm > gm$  и под.) и которые на первый взгляд выглядят как изменения, усложняющие звуковую цепь из-за передвижения губного согласного в заднеязычный ряд. На самом же деле в данных сочетаниях также реализован принцип удобства, более легкого шумопрохождения в линейной звуковой последовательности и устранение тем самым сложных факультальных артикуляций. Особого внимания заслуживают и оригинальные фонематические выводы, содержащиеся в работе (ср. рассуждения о фонемах  $/h/$  и  $/\dot{y}/$ , о чем мы упоминали выше). Интерес представляет также определение географических зон с точки зрения вокальности/консонантности их фонетических систем. Так, повышение уровня признака вокальности сосредоточено на юго-западе Славии, в диалектах, склонных к вокалическому типу, и отчасти на северо-востоке территории ДАРЯ. И напротив, в меньшей степени сонорное свойство сонантов проявляется в диалектах с общим высоким уровнем консонантности (н.-луж., польск., ю.-русс. говоры).

Данная работа очень насыщена с точки зрения проблем, решение которых Л.Э. Калнынь подкрепляет огромным диалектным материалом. Убедительна интерпретация сопоставляемых диалектных фактов: они в одних говорах представляют собой последовательно проведенное позиционное явление с прозрачной структурой, в других же — лексикализован-

ное явление, причем представленное в разных говорах разными лексемами (ср., например, блр. полесск. *пры н'н'і, н'е́хонный, х́оланно*, но *сты́дно, халадн'і́к*; сев.-русск. только *дорóдно, одно́*; болг. *прупа́дна, уд н'иб'эту*, но *па́ннала, w'еннѣ'ш', плáнн'е* и т. д.). Благодаря умению найти главное в многообразии вариантов, представленных, казалось бы, в несопоставимых явлениях, автор четко формулирует те правила синтагматики, которые регулируют и определяют позиционное поведение сонантов в современных славянских диалектах.

Однако в связи с тем, что исходный диалектный материал неравноценен (о чем уже говорилось выше), в ряде случаев нельзя быть уверенным в том, что данное описываемое явление действительно отмечено в указанном языке только в приводимых единичных примерах (ср. болг. *млóго, млук*) и что свойственно оно только данному диалекту/языку (например, утрата вибранта после передненебных согласных – в словен.). Иногда такие ситуации в работе поясняются, но чаще они, к сожалению, остаются без комментариев. Кроме того, хотелось бы иметь более ярко выраженную ареалогическую характеристику исследуемых яв-

лений (которая в некоторых случаях все-таки дается): материал настолько обширен, что перечисление говоров и примеров, иллюстрирующих многочисленные и многообразные явления, подчас затемняют лингвогеографический (ареалогический) аспект работы, хотя данная задача, по-видимому, и не стояла перед автором.

В заключение отметим, что в фундаментальной монографии Л.Э. Калнынь “Синтагматика сонантов в славянских диалектах” в п е р в ы е в славистике исследуется на материале всех славянских диалектов важнейший, но слабо изученный фрагмент славянской диалектной фонетики. По объему и качеству использованного материала, методам его анализа, строгости классификации, богатству содержания и, наконец, полученным выводам об устройстве фиксированного фрагмента фонетического строя славянских диалектов данный новаторский труд, несомненно, является значительным вкладом в современное славянское языкознание и может представлять интерес для широкого круга славистов.

Т.В. Попова